Международные процессы, Том 14, № 1, сс. 106–120
DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.9

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ПОЛИТИКА США В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

ПАВЕЛ ГУДЕВ
Институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия

Резюме

США на протяжении длительного времени отстаивают привилегированную роль в вопросах контроля за соблюдением норм международного права, в том числе в отношении использования и эксплуатации пространств и ресурсов Мирового океана. Борьба с необоснованными, по их мнению, претензиями других государств осуществляется в рамках программы «Свобода мореплавания» (Freedom of Navigation – FON). Её реализация играет важнейшую роль не только в обеспечении торговых и экономических интересов США, но и с точки зрения возможности оперативной переброски американских вооруженных сил морским путем. При этом в области борьбы с такими видами угроз, как распространение ядерного оружия, пиратство, морской терроризм, представляющими опасность для всего международнного сообщества, США не исключают для себя возможность нарушения норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Стремление обеспечить себе приоритетные права в области осуществления военно-морской и разведывательной деятельности ведет к расширительному толкованию Вашингтоном отдельных конвенционных норм и интерпретации их как норм обычного права. Неучастие Соединенных Штатов в Конвенции 1982 года, с одной стороны, в сочетании с последовательной практикой принуждения к исполнению конвенционных норм другими странами - с другой, свидетельствуют о глобальной противоречивости океанической политики США. В настоящее время формируются дополнительные экономические и политические стимулы, побуждающие Вашингтон пересмотреть свою политику в отношении основополагающего международного документа по морскому праву. Вместе с тем перспективы его присоединения к Конвенции 1982 г. и, в более широком смысле, корректировки подходов к вопросам регулирования пространств Мирового океана будет зависеть от расстановки внутриполитических сил, отстаивающих различные варианты международной стратегии.

Ключевые слова:

Мировой океан; Конвенция ООН по морскому праву 1982 года; свобода судоходства; право транзитного прохода; международные проливы; военно-морские силы; ОМУ; ИБОР; морской терроризм; нормы договорного и обычного права; Арктика; АТР.

США традиционно рассматривают пространства Мирового океана в рамках политико-идеологической концепции «всеобщего достояния» (global commons). Их значимость определяется тем, что они занимают около 70% площади всего Земного шара; около 80% населения Земли живет в прибрежной зоне; более 80% мировой торговли осуществляется морем, при этом 3/4 от этого объема осуществляется через крупнейшие международные проливы (Малаккский, Сингапурский) и каналы

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: citricelectric@yandex.ru

(Панамский, Суэцкий). США, как одна из крупнейших экономик мира, ключевой потребитель товаров и ресурсов, крайне заинтересованы в том, чтобы в полной мере использовать те преимущества, которые предоставляют морской транспорт как самый дешевый вид транспорта, и морская торговля.

Беспрепятственное функционирование этой системы расценивается Соединенными Штатами как основа для дальнейшего распространения либерального экономического порядка, который, с точки зрения Вашингтона, выступает гарантом обеспечения мира и стабильности в глобальном масштабе.

1

В рамках стратегии поддержания статус-кво США продолжают выступать в защиту принципа свободы судоходства. Под ним подразумевается не просто реализация права, закрепленного в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, и применимого как к открытому морю, так и к 200-мильной исключительной экономической зоне (ИЭЗ) прибрежных стран, а гораздо более широкий круг аспектов, к которым США относят:

– оспаривание установления некорректных прямых исходных линий, от которых отсчитывается ширина территориального моря прибрежного государства;

– оспаривание распространения статуса исторических вод, находящихся под полным государственным суверенитетом, на акватории, которые США не признают таковыми;

– непризнание границ территориального моря, превышающих конвенционный лимит в 12 морских миль;

– противодействие введению уведомительного или разрешительного порядка мирного прохода через территориальное море прибрежного государства как в отношении гражданских судов, так и военных кораблей;

– оспаривание претензий прибрежных государств по расширению своих полномочий в области обеспечения безопасности в пределах 24-мильной прилежащей зоны;

– борьба с претензиями прибрежных государств в акваториях за пределами территориального моря, которые ведут к ограничению свобод открытого моря в рамках 200-мильной исключительной экономической зоны;

– несогласие с претензиями архипелажных и припроливных государств по ограничению прав архипелажного и транзитного проходов.

Таким образом, США планомерно реализуют курс на глобальное усиление международно-правового режима в масштабах всего Мирового океана, который расценивается ими как обязательный элемент обеспечения глобальной и региональной стабильности. Защита приоритетов Соединенных Штатов осуществляется в рамках инициированной в 1979 г. программы «Свобода мореплавания» (Freedom of Navigation – FON), курируемой Министерством обороны и Госдепартаментом США. При этом защита свободы судоходства не только играет важнейшую роль в деле дальнейшего социально-экономического развития США, но и остается ключевым элементом американской оборонной политики в целом. Все основные элементы сферы обеспечения национальной безопасности США: стратегическое сдерживание, оперативное присутствие, реагирование на кризисы, переброска войск – напрямую зависят от соблюдения принципа свободы судоходства, прав транзитного и архипелажного проходов [Roach, Smith 2012: 642]. Обеспечение мобильности и оперативности переброски ВС в любой регион Земного шара морским путем было и будет оставаться в перспективе одним из приоритетных направлений политики США. Вашингтон будет по-прежнему стремиться любыми способами, как правового, так и силового характера, обеспечить себе беспрепятственный доступ в любые акватории Мирового океана.

Реализация FON осуществляется как путем проведения дипломатических переговоров, подачи нот дипломатического

протеста, демонстрации флага, проведения военно-морских учений, так и методом прямого воздействия посредством привлечения боевых кораблей ВМС США для оспаривания конкретных правопритязаний. В годы «холодной войны» американские ВМС, насчитывающие около 600 единиц плавсредств, ежегодно осуществляли около 35–40 операций подобного рода. Сегодня, после сокращения ВМС США вдвое, их количество сократилось до 5–20 в год [Kraska, Pedrozo 2013: 203]. За время правления администрации Б. Обамы такие операции проводились в отношении: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Вьетнама, Индии, Индоне-

Таблица 1

Данные Министерства обороны США по реализации программы FON за 2014 год

№	Страна	Правопритязания
1	Аргентина	Уведомительный порядок прохода военных кораблей через территориальное море
2	Бразилия	Разрешительный порядок осуществления учений и маневров со стороны военных кораблей в пределах ИЭЗ
3	Венесуэла	Разрешительный характер пролета воздушных судов через международное воздушное пространство над ИЭЗ
4	Вьетнам	Некорректное проведение прямых исходных линий
5	Индия	Разрешительный порядок осуществления учений и маневров со стороны военных кораблей в пределах ИЭЗ
6	Индонезия	Неполное обозначение морских коридоров для архипелажного прохода; уведомительный порядок прохода военных кораблей через территориальное море и архипелажные воды; ограничение на остановку, стоянку на якоре, а также необоснованный проход судов через акватории, прилегающие к территориальному морю
7	Иран	Некорректное проведение прямых исходных линий; ограничение права транзитного прохода через Ормузский пролив; запрет на осуществление военно-морской деятельности в пределах ИЭЗ
8	КНР	Некорректное проведение прямых исходных линий; распространение юрисдикции на воздушное пространство над ИЭЗ; ограничения на пролет воздушных судов через Опознавательную зону ПВО (ADIZ, Air Defense Identification Zone); национальное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за проведение несогласованных исследований в пределах ИЭЗ
9	Ливия	Распространение статуса исторических (внутренних) вод на акваторию залива Сидра
10	Малайзия	Разрешительный характер прохода судов с ядерной силовой установкой через территориальное море; разрешительный характер осуществления военно-морской деятельности в пределах ИЭЗ
11	Мальдивы	Необходимость получения разрешения на заход военных кораблей в пределы ИЭЗ и пролет военных самолетов над архипелажными водами
12	Никарагуа	Некорректное проведение прямых исходных линий; расширение границ территориального моря до 200 морских миль; уведомительный характер прохода военных кораблей через территориальное море; расширение полномочий в области обеспечения безопасности в прилежащей зоне; уведомительный характер захода в прилежащую зону
13	Оман	Признание лишь права мирного прохода через Ормузский пролив с необходимостью получения разрешения на такой проход
14	Перу	200-мильный лимит территориального моря
15	Республика Корея	Некорректное проведение прямых исходных линий; уведомительный характер прохода военных кораблей и судов на государственной службе через территориальное море
16	Тайвань	Некорректное проведение прямых исходных линий; уведомительный характер прохода военных кораблей и судов на государственной службе через территориальное море
17	Шри-Ланка	Расширение полномочий в области обеспечения безопасности в прилежащей зоне
18	Филиппины	Распространение статуса внутренних вод на архипелажные воды
19	Эквадор	Некорректное проведение прямых исходных линий

зии, Ирана, Камбоджи, КНР, Ливии, Либерии, Малайзии, Мальдивской республики, Мьянмы, Никарагуа, Омана, Перу, Республики Корея, Тайваня, Таиланда, Того, Филиппин, Шри-Ланки, Эквадора, Японии.

В перспективе основными целями таких операций будут оставаться как те страны, которые либо не участвуют в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (Венесуэла, Иран, Колумбия, Ливия, Перу), так и те, кто существенным образом нарушает конвенционные нормы или же допускает их расширительное толкование. Можно предполагать, что особое место в ходе реализации программы FON будет уделяться КНР. Это связано с тем, что, с одной стороны, Китай является не только полноправным участником Конвенции 1982 года, но и обоих дополнительных Соглашений – 1994 и 1995 годов – к ней[1]. С другой стороны, сложно найти пример какой-либо другой страны, которая в таком масштабе игнорировала бы предписания, содержащиеся в Конвенции 1982 года. В целях приоритетного учета интересов национальной безопасности Пекин ограничивает право мирного прохода через свое территориальное море, претендует на расширение своих прав в области обеспечения безопасности в прилежащей зоне, ограничивает свободу судоходства в ИЭЗ, не признает воздушное пространство над ИЭЗ в качестве международного[2]. Претензии КНР на острова и акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей напрямую затрагивают интересы основных союзников США в АТР – Индонезии, Тайваня, Филиппин, Японии.

Проведение программы FON в Азиатско-Тихоокеанском ареале – закономерный шаг на пути усиления внимания Вашингтона к этому морскому региону, имеющему центральное значение для реализации стратегических интересов США. В среднесрочной перспективе новым объектом применения программы может стать Северный Ледовитый океан. По мере потепления климата Арктика будет становиться всё более открытой для осуществления морехозяйственной деятельности со стороны всех заинтересованных государств. Проблема защиты экономических и военно-стратегических интересов арктическими странами будет стоять более остро. Можно ожидать повышение внимания к региону со стороны как Северного, так и Европейского командования США [Kraska, Pedrozo 2013: 25]. Не только Россия, но и Китай, будут рассматриваться в качестве основных объектов этого внимания. Сегодня активизация деятельности китайских подводных стратегических ракетоносцев в Северном Ледовитом океане никак не противоречит действующим нормам международного морского права.

Данные изменения в Арктике неизбежно приведут к увеличению значения ВМС США в обеспечении ядерного сдерживания. С одной стороны, Вашингтон и Оттава могут усилить свое сотрудничество в области воздушно-космической обороны Северной Америки (NORAD), а по линии НАТО будет, вероятно, активизирована разведывательная (в том числе противолодочная) деятельность. С другой стороны, если противоречия между США и Канадой относительно правового статуса Северо-Западного прохода (СЗП) на сегодняшний

[1]Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Принято резолюцией 48/263 Генеральной Ассамблеи от 28 июля 1994 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml (дата обращения: 2.03.2016); Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими. A/CONF.164/37 8 September 1995 [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/CONF.164/37 (дата обращения: 2.03.2016).

[2]Maritime Claims Reference Manual. China [Электронный ресурс] : The Navy Judge Advocate General's Corps URL: http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/China2016.pdf (дата обращения: 2.03.2016).

день носят характер преимущественно экспертной дискуссии[3], когда существующие разногласия зафиксированы, но обе стороны готовы сохранять статус-кво [Byers 2009: 36-88], то в перспективе этот спор может выйдет на качественно новый уровень, в том числе в рамках программы FON. Такая же ситуация может сложиться и в отношении России и Северного-морского пути (СМП), который США склонны рассматривать как морской маршрут, состоящий из целого ряда международных проливов с правом транзитного прохода[4].

2

Парадоксальность политики США по целенаправленной защите принципа свободы судоходства состоит в том, что, несмотря на его ключевую роль в развитии торговли и экономики, возможности беспрепятственной переброски вооруженных сил, она несет и риски. Реализация принципа свободы судоходства может быть с таким же успехом использована для: осуществления незаконного, нерегулируемого, несообщаемого промысла водных биологических ресурсов; контрабанды и пиратства; транспортировки наркотиков и оружия (включая ОМУ); незаконного перемещения людей, включая нелегальную миграцию; осуществления актов морского терроризма. Использование для этих целей судов, не отвечающих международным требованиям в области экологической безопасности, несет угрозу морской среде и ее биологическому разнообразию, а значит, экологической, ресурсной, продовольственной безопасности прибрежных государств.

С целью противодействия этим видам угроз США поддерживают целый ряд инициатив, которые ведут если не к прямым нарушениям норм и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, то к достаточно расширительной их трактовке.

В рамках Инициативы по борьбе с распространением ОМУ (ИБОР, Proliferation Security Initiative) предлагается принимать меры по обыску иностранных судов, находящихся как во внутренних водах (включая порты) прибрежного государства, так и в его территориальном море[5]. В первом случае государство действительно обладает полной юрисдикцией в отношении перехвата подозреваемых судов, но эти полномочия не могут быть применены в отношении военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, обладающих иммунитетом. В территориальном море каждое государство имеет право мирного прохода, а в Конвенции 1982 г. транспортировка оружия массового уничтожения не обозначена как нарушение этого права. Однако США продолжают настаивать на том, чтобы в рамках борьбы с распространением ОМУ статус коммерческих и государственных судов должен быть уравнен, а конвенционный список нарушений права мирного прохода – расширен.

США поддерживают возможность осмотра и задержания судов, подозреваемых в транспортировке ОМУ, в открытом море[6].

[3]США считают, что СЗП является международным проливом, соединяющим одну часть открытого моря с другой частью открытого моря, к которому должно быть применимо конвенционное право транзитного прохода. Канада, напротив, установив в 1986 г. прямые исходные линии вокруг всего канадского арктического архипелага, считает, что трасса СЗП проходит по внутренними историческими водами Канады, на которые распространяется ее полный государственный суверенитет.

[4]Россия же, как и Канада, склонна считать, что трасса СМП проходит по акваториям, на которые распространяется статус внутренних исторических вод (Белое, Восточно-Сибирское, Карское, Лаптевых, Чукотское моря; Печерская и Чешская губа; Проливы Санникова и Дмитрия Лаптева (Новосибирские острова); проливы Вилькицкого и Шокальского (архипелаг Северная Земля)), настаивая на приоритетном праве регулирования судоходства.

[5]Proliferation Security Initiative: Statement of Interdiction Principles [Электронный ресурс]: U.S. Department of State. Under Secretary for Arms Control and International Security. Bureau of International Security and Nonproliferation (ISN). Proliferation Security Initiative URL: http://www.state.gov/t/isn/c27726.htm (дата обращения: 2.03.2016).

Такая практика, имевшая место в предыдущие годы, противоречит одному из ключевых положений Конвенции 1982 г. – принципу исключительной юрисдикции государства флага в открытом море. Военный корабль, встретивший иностранное судно в открытом море, может подвергнуть его осмотру, только если есть основания подозревать, что судно занимается пиратством, работорговлей, несанкционированным вещанием, а также в случаях, когда на нем не поднят флаг или оно не имеет иных опознавательных знаков государственной регистрации[7]. В рамках существующей правовой системы превентивные действия по предотвращению распространения ОМУ невозможны без одобрения Совета Безопасности ООН или же согласия со стороны государства флага.

Вашингтон исходит из того, что СБ ООН не единственный орган, компетентный в предоставлении права на вмешательство, которое необходимо в данных обстоятельствах. В доктрине международного права формируется точка зрения, согласно которой (в свете борьбы с распространением ОМУ) право на самооборону должно признаваться не только после совершения вооруженного нападения, а уже в тот момент, когда возникает непосредственная угроза такового [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007: 392–400]. Руководствуясь этим принципом, любое государство может ограничивать свободу судоходства в собственных интересах без соблюдения сколько-нибудь определенных международных обязательств. Право на самооборону может стать тем базисом, на основе которого государства смогут останавливать суда, перевозящие ОМУ в открытом море.

Конвенционный список изъятий из принципа исключительной юрисдикции государства флага (путем реализации как права на преследование по горячим следам, так и права на осмотр) может быть расширен не только в угоду борьбы с распространением ОМУ, но и с целью противодействия морскому терроризму. Это связано с тем, что международный терроризм во все большей степени рассматривается в качестве угрозы международному миру и безопасности, как вызов всем государствам и человечеству и квалифицируется как преступление международного характера [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007: 409]. Существует вероятность, что морской терроризм станет объектом универсальной юрисдикции, и все суда, как гражданские, так и военные, будут наделены правом по борьбе с ним в открытом море.

В условиях отсутствия соответствующих положений в многосторонних правовых документах США стремятся использовать региональный подход, основанный на заключении двухсторонних договоренностей. Например, для того чтобы противостоять транспортировке ОМУ, Соединенные Штаты подписали соглашения, позволяющие высаживаться, осматривать и задерживать судна в открытом море, с Багамами, Белизом, Хорватией, Кипром, Либерией, Маршалловыми островами, Мальтой, Монголией и Панамой [Kraska, Pedrozo 2013: 785–795]. Таким образом, под контроль было поставлено около 60% всего торгового флота. Идентичные соглашения были заключены с государствами Карибского региона и Латинской Америки с целью противодействия транспортировке наркотиков. В перспективе сфера действия ст. 110

[6]Interdiction under the Proliferation Security Initiative: Counter–Proliferation or Counter–Productive? [Электронный ресурс]: British American Security Information Council URL: http://www.basicint.org/sites/default/files/PUB051003.pdf (дата обращения 7.11.2015); Legitimacy in International Affairs: The American Perspective in Theory and Operation. John R. Bolton, Under Secretary for Arms Control and International Security Remarks to the Federalist Society. Washington, DC November 13, 2003 [Электронный ресурс]: U.S. State Department Archive, 2001–2009 URL: http://2001-2009.state.gov/t/us/rm/26143.htm (дата обращения 7.11.2015).

[7]Ст. 110 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН. Раздел «Конвенции и Соглашения» URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения 29.04.2015).

«Право на осмотр» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. может быть существенным образом расширена. Помимо пиратства, работорговли, незаконного вещания, в нее может быть включена проблематика борьбы с морским терроризмом.

Одновременно обеспечение права транзитного прохода и гарантирование безопасности мореплавания через крупнейшие международные проливы (Баб-эль-Мандебский, Гибралтарский, Дуврский, Малаккский, Ормузский, Сингапурский) будет и дальше привлекать внимание США как с точки зрения защиты торгового судоходства, так и прохода кораблей американских ВМС.

Соединенные Штаты настаивают на том, что все суда и летательные аппараты, включая военные корабли и самолеты, вне зависимости от характера груза, вооружения, типа двигателя, флага, пункта отбытия и назначения, имеют право транзитного прохода. Под этим подразумевается, что подводные лодки могут проходить в подводном положении; военные самолеты могут лететь в боевом порядке; разрешается выполнение операций взлета и посадки самолетов и вертолетов на палубу; военные корабли и гражданские суда могут пополнять запасы на ходу; могут применяться меры по обеспечению безопасности надводных кораблей[8].

Отстаивая свою позицию, США склонны рассматривать право транзитного прохода как шаг по кодификации обычного права. Они считают, что отсутствие юридически сформулированной нормы до принятия Конвенции 1982 г. было обусловлено исключительно тем обстоятельством, что государства не имели возможности легально расширить границу своего территориального моря сверх положенных 3 морских миль, а не тем обстоятельством, что это было запрещено. Соответственно, оно не мешало американским кораблям и судам перемещаться по выделенным коридорам открытого моря. Введение 12-мильного лимита территориального моря потребовало разработки условий «транзитного прохода» для того, чтобы сохранить права государств на свободу подобного перемещения. Таким образом, с точки зрения Вашингтона, право прохода военных и гражданских судов через международные проливы существовало и до принятия Конвенции 1982 года [Roach, Smith 2012: 686-691].

Согласно устоявшейся точке зрения, транзитный проход стал международным компромиссом и выходит за рамки как Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года[9], так и норм обычного международного права [Tanaka 2012: 106]. Не случайно в 1982 г. было заявлено: «Эта Конвенция не является Конвенцией, кодифицирующей правовые нормы. Утверждение о том, что, за исключением Части XI, Конвенция представляет собой кодификацию обычного права либо отражает существующую международную практику, является неверным с фактической точки зрения и юридически необоснованным. Режим транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, и режим архипелажного прохода по морским коридорам являются двумя примерами из множества новых концепций, воплощенных в Конвенции»[10].

В докладе Генсека ООН от 5 ноября 1992 г. говорилось: «Режим транзитного прохода в целом нашел широкое призна-

[8]Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110–9 (December 19, 2007). P. 20 [Электронный ресурс]: The Office of General Counsel National Oceanic and Atmospheric Administration URL: http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS–Sen–Exec–Rpt–110–9.pdf (дата обращения 15.06.2015).

[9]Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН. Раздел «Конвенции и Соглашения» URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf (дата обращения 15.06.2015).

[10]Конституция для океанов. Высказывания Председателя Третьей Конференции ООН по морскому праву Томи Т.Б. Ко (Сингапур) [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf (дата обращения 12.07.2015).

ние в международном сообществе и вошел в практику как государств, граничащих с проливами, так и государств, осуществляющих судоходство»[11]. Однако на практике только несколько государств полностью согласны с тем, что транзитный проход является нормой обычного права – это Австралия, Великобритания, Папуа Новая Гвинея, США и Франция. Некоторые страны (Албания, Испания, КНР, ОАЭ, Перу) открыто отказываются признавать его нормой обычного права. Иран, Марокко, ОАЭ признают лишь право мирного прохода через проливы, перекрытые территориальными водами [Martin 2010: 197]. Более того, Тегеран настаивает на том, что Соединенные Штаты, как неучастник Конвенции 1982 года, не имеют права претендовать на пользование свободой транзитного прохода, так как она не является действующей нормой обычного права [Green 1992: 9–10].

В связи с этим наиболее пристальное внимание со стороны США в рамках программы FON в обозримой перспективе будет уделяться Ормузскому и Баб-эль-Мандебскому проливам, так как граничащие с ними страны (Иран и Оман; Йемен и Джибути) в своем национальном законодательстве до сих пор имеют положения о разрешительном характере прохода военных кораблей и некоторых категорий гражданских судов [Grooves 2001: 18-20]. Противодействие таким видам угроз, как пиратство, транспортировка наркотиков, незаконное рыболовство будут использоваться с целью обеспечения более высокого уровня контроля над судоходством в Малаккском и Сингапурском проливах. США с 2004 г. запустили Региональную морскую инициативу в области безопасности, направленную на противодействие всем видам угроз в Малаккском проливе и прилегающих к нему акваториях. Однако только Сингапур поддержал этот проект Вашингтона. Малайзия и Индонезия продолжают считать, что обеспечение безопасности в Малаккском проливе дело стран, граничащих с проливом [Klein 2011: 84-87].

3

США, с одной стороны, выступают инициаторами разработки и принятия целого ряда международных соглашений, но, с другой стороны, продолжают игнорировать такие ключевые международные документы, касающиеся в том числе управления пространствами и ресурсами Мирового океана, как: Повестка дня для XXI века; Конвенция о биологическом разнообразии, а также все последующие соглашения и протоколы к ней; Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер; Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях; Конвенции об охране подводного культурного наследия. Практически во всех случаях речь идет о том, что взятие на себя определенных обязательств, предусмотренных этими документами, может негативным образом отразиться на национальных интересах США, привести к ограничению их суверенитета. В результате политика Соединенных Штатов по укреплению международно-правового режима использования и эксплуатации пространств и ресурсов Мирового океана будет сочетаться с одновременным курсом по обеспечению приоритетных возможностей в области осуществления военно-морской и разведывательной деятельности.

США, даже в случае присоединения к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, готовы воспользоваться предоставленным этим документом правом (ст. 298) заявить о своем непринятии одного или нескольких из предписанных механизмов урегулирования споров (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Арбитраж, Специальный арбитраж) по отношению к вопросам, касающимся военной деятельности. Они не

[11]UN Doc. A/47/512, Nov. 5, 1992, §. 23 [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/Depts/los/general_assembly/general_assembly_reports.htm (дата обращения 12.07.2015).

только заявили о своем исключительном праве определять, является ли та или иная деятельность «военной»[12], но и склонны причислять к ней любые виды разведывательной деятельности[13], регулярно осуществляемые ими в прибрежных водах других государств.

США считают, что поскольку в Конвенции 1982 г. отсутствуют уточнения таких терминов как «использование в мирных целях» и «мирные цели» применительно к пространствам Мирового океана, то нет никаких ограничений на право государств осуществлять военную деятельность не только в военное, но и в мирное время[14]. Высказанная Вашингтоном позиция по этому вопросу позволяет ему интерпретировать полицейские операции, разведывательную деятельность, проведение операций по поиску и спасанию на море не как акты агрессии, а как право на самооборону при условии отсутствия с его стороны каких-либо враждебных действий или же намерений [Свининых 2011: 72]. С позиции США, Конвенция 1982 года, являясь соглашением мирного времени, не может накладывать ограничений на осуществление военной деятельности или же «лишать государство права на самооборону»[15].

Более того, Соединенные Штаты расценивают отсутствие в тексте Конвенции 1982 г. четкого определения того, что такое «морские научные исследования», как основание для того, чтобы не относить к ним любые виды «военных исследований»[16]. И если на проведение «морских научных исследований» в зонах, находящихся под юрисдикцией прибрежного государства (например, в 200-мильной исключительной экономической зоне), требуется формальное согласие последнего[17], то это правило становится неприменимым к «военным исследования» [Kraska, Wilson 2010: 22-23]. Сбор океанографической, геофизической, химической, биологической и акустической информации в военных целях, равно как гидрографическая съемка, поиск и разведка природных ресурсов, поиск затонувших объектов и подводная археология, метеорологические исследования, с точки зрения США, не требуют получения согласия со стороны прибрежного государства [Mandsager 1998: 124].

Соединенные Штаты неоднократно подчеркивали, что готовы действовать только в соответствии с теми положениями Конвенции, которые не противоречат уже устоявшимся нормам международного *обычного права*[18]. Таковые формируются при условии сочетания двух компонентов: установившейся, широко распространенной и последовательной практики государств, а также

[12]Senate Executive Report, 108th Congress, 2nd Session, Exec. Rpt. 108–10 (March 11, 2004). P. 89, 93 [Электронный ресурс] : The Office of General Counsel National Oceanic and Atmospheric Administration URL: http://www.gc.noaa.gov/documents/SExecRept–108–10.pdf (дата обращения 7.05.2015).

[13]Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110–9 (December 19, 2007). P. 11 [Электронный ресурс]: The Office of General Counsel National Oceanic and Atmospheric Administration URL: http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS–Sen–Exec–Rpt–110–9.pdf (дата обращения 20.07.2015).

[14]Ibid. P. 19.

[15]Ibid. P. 11–12.

[16]Ibid. P. 13, 21, 38.

[17]В ст. 246 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. зафиксирована формулировка, согласно которой «Прибрежные государства в осуществление своей юрисдикции имеют право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования в своей исключительной экономической зоне и на своем континентальном шельфе. Морские научные исследования в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе проводятся с согласия прибрежного государства». Юридические споры, однако, вызывает дальнейшее указание на то, что «Прибрежные государства *при обычных обстоятельствах дают свое согласие* (курсив мой – П.Г.) на осуществление другими государствами или компетентными международными организациями морских научно-исследовательских проектов в своей исключительной экономической зоне или на своем континентальном шельфе...».

[18]Statement on United States Oceans Policy. March 10, 1983 [Электронный ресурс] : The Ronald Reagan Presidential Library and Museum URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/31083c.htm (дата обращения: 23.08.2015).

субъективного элемента, известного как *opinio juris*[19]. Только когда другие страны в своем поведении соглашаются с практикой конкретного государства, которая при этом должна быть постоянной и повторяющейся, только тогда и можно говорить о возникновении нормы обычного права [Вылегжанин, Каламкарян 2012: 81–83]. Между тем после ее появления она приобретает универсальный характер. В то время как договорные нормы права охватывают только непосредственных участников соглашения, нормы обычного права распространяются абсолютно на всех членов международного сообщества. Они оказываются обязательными и для вновь образованных государств, даже при том, что они не участвовали в их разработке. В деле о континентальном шельфе Северного моря Международный суд ООН постановил, что нормы обычного права «по своей природе должны иметь одинаковую силу для всех участников международного сообщества и поэтому не дают ни одному из членов никакого права исключить себя из сферы их действия в одностороннем порядке и по своему усмотрению в своих собственных интересах»[20].

Конвенция 1982 г. не только кодифицировала нормы обычного права, ею вводились новые нормы [Rothwell, Stephens 2010: 22-23]. В частности, она предполагает особый режим разработки ресурсов Международного района морского дна[21]. Тем не менее, для того чтобы стать полноценной нормой обычного права, требуется его исполнение всеми государствами, в том числе не участвующими в Конвенции [Harrison 2011: 51-59]. Учитывая, что в ходе переговоров в рамках III Конференции ООН по морскому праву достичь консенсуса относительно применения принципа Общего наследия человечества[22] не удалось, и многие государства выступали против вводимого режима, так что все попытки считать его нормой обычного международного права – не более, чем обычная спекуляция [Lodge 2013: 60]. То же касается и положений ст. 76 о континентальном шельфе за пределами 200-мильной зоны, которые пока еще не стали нормами обычного международного права [Международное право 2012: 140-141]. Соответственно, у США сохраняется теоретическая возможность игнорировать те или иные положения Конвенции 1982 года, которые как на сегодняшний момент, так и в долгосрочной перспективе не приобрели или же не приобретут статус универсально обязательных.

4

Неучастие США в Конвенции 1982 г. будет по-прежнему создавать для них серьезные репутационные риски. Они обусловлены тем, что Соединенные Штаты оказываются в одном ряду с государствами, которые в рамках американской внешнеполитической доктрины в тот или иной период времени характеризовались или же продолжают характеризоваться не иначе, как «страны-изгои» – Афганистан, Венесуэла, Иран, Ливия, Северная Корея, Сирия,

[19]*Opinio juris* означает, что государство рассматривает то или иное обычное правило как норму международного права, как правило, юридически обязательную в международном плане. Это выражение воли государства. Когда другие государства выражают волю в том же направлении, образуется молчаливое соглашение о признании обычного правила в качестве международно-правовой нормы.

[20]ICJ Reports. 1969. §63 [Электронный ресурс] : International Court of Justice Reports of judgments, Advisory Opinions and Orders. North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany – Denmark; Federal Republic of Germany – Netherlands). Judgment of 20 February 1969 URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/51/5535.pdf (дата обращения 04.04.2015).

[21]Дно морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств. Международный район морского дна и его ресурсы в рамках Конвенции 1982 г. объявлены Общим наследием человечества, их разведка и разработка находится под контролем специально созданного для этих целей Международного Органа по морскому дну.

[22]Международно-правовая концепция, закрепленная в Конвенции 1982 г. в качестве основы регулирования деятельности государств по освоению дна и недр Международного Района морского дна.

Сомали, Эритрея. В Конвенции не участвует также целый ряд государств Центральной и Латинской Америки (Колумбия, Перу, Сальвадор), Африки (одни из самых бедных стран в мире – Бурунди и Руанда; Центрально-Африканская республика, Эфиопия, Южный Судан), Азии (Бутан, Камбоджа), бывшего СССР (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан)[23].

Отказ от ратификации Конвенции 1982 года, с одной стороны, и статус крупнейшей морской и военно-морской державы, выступающей за укрепление международно-правового порядка в масштабах всего Мирового океана – с другой, способны дискредитировать как сам конвенционный режим, так и политику США в рамках программы FON. Для многих государств подобная двойственность позиции Вашингтона продолжит оставаться свидетельством политики двойных стандартов. В особенности это касается Азиатско-Тихоокеанского региона, где Соединенным Штатам будет все труднее отстаивать интересы своих союзников (Филиппины, Тайвань, Южная Корея, Япония) по урегулированию морских конфликтов и противоречий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Все попытки США заключить этот процесс в рамки международного права, выступить посредником в ходе переговоров, заменить региональный подход урегулирования на более широкий международный, не могут быть реализованы без их полноправного участия в Конвенции 1982 года[24]. Лишь изменение позиции Вашингтона может привести к тому, что обвинения китайской стороны, что США не имеют законных полномочий вмешиваться в процесс делимитации морских пространств Южно-Китайского моря, станут безосновательными[25].

Катализатором процесса присоединения к Конвенции 1982 г. могут стать и успехи в развитии научно-технического прогресса. *Во-первых*, американские нефтяные и газовые компании за последние годы получили в свое распоряжение оборудование для разработки ресурсов континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны, то есть на больших глубинах и в значительном отдалении от береговой линии. Неучастие же США в Конвенции 1982 года, означающее отсутствие международной легитимации их деятельности, сдерживает инвестирование в этой области[26].

Во-вторых, развитие технологий для добычи минеральных ресурсов в глубоководных районах Мирового океана, которое перешло из теоретической плоскости в практическую. Индия, Китай и Россия уже активно участвуют в этом процессе. Наличие в этих районах морского дна драгоценных и редкоземельных металлов, использующихся как в энергетике, так и для производства высокотехнологичных продуктов, открывает перед США новые возможности, в том числе по укреплению своих позиций перед лицом бурно развивающейся китайской промышленностью. Однако поиск и разработка новых источников таких ресурсов требует привлечения огромных финан-

[23]Chronological lists of ratifications of, accessions and successions to the Convention and the related Agreements as at 3 October 2014 [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/depts/los/reference_files/chronological_lists_of_ratifications.htm (дата обращения 04.09.2015).

[24]*Bower E.Z., Poling G.* Advancing the National Interests of the United States: Ratification of the Law of the Sea. May 25, 2012 [Электронный ресурс] CSIS URL: http://csis.org/publication/advancing-national-interests-united-states-ratification-law-sea (дата обращения 04.06.2015).

[25]Speech by Secretary of Defense Leon E. Panetta at Law of the Sea Symposium. May 09, 2012, Washington, D.C. [Электронный ресурс]: U.S. Department of Defense URL: http://archive.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1669 (дата обращения 04.06.2015).

[26]*Clinton H.R.* The Law of the Sea Convention (Treaty Doc. 103-39): The U.S. National Security and Strategic Imperatives for Ratification. Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations. Washington, DC May 23, 2012. [Электронный ресурс]: URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/REVISED_Secretary_Clinton_Testimony.pdf (дата обращения 14.06.2015).

совых вложений, вследствие чего американским компаниям нужны гарантии, закрепляющие за ними права на тот или иной участок морского дна и его ресурсы[27].

Развитие ситуации в Арктическом регионе также способно подтолкнуть руководство США к ратификации Конвенции 1982 года. Речь идет о невозможности избрания американских экспертов в состав Комиссии по границам континентального шельфа, а также представления заявки в нее с целью определения внешних границ континентального шельфа Соединенных Штатов, в том числе в Северном Ледовитом океане. Вместе с тем данные сдерживающие обстоятельства не стоит переоценивать, так как США, не принимая на себя конвенционные обязательства, могут рассчитывать на гораздо большую площадь шельфа, являясь лишь участником Конвенции 1958 года[28] и имея разработанное национальное законодательство, не ограничивающее протяженность последнего [Groves 2011b]. Можно допустить, что лишь целенаправленная политика других арктических государств, строящаяся на безусловной апелляции к Комиссии по границам континентального шельфа, может подтолкнуть Соединенные Штаты пересмотреть свое отношение к Конвенции 1982 года. Тем не менее следует учитывать, что процесс рассмотрения заявок арктических стран, за исключением России[29], будет достаточно долгим в связи с загруженностью рабочего органа, и существующим порядком очередности. США могут рассчитывать на возможность вплоть до 2025 г. сохранять свой статус стороннего наблюдателя в Арктике и не брать на себя дополнительных обязательств, предусмотренных Конвенцией 1982 года.

Несмотря на то что большая часть представителей научно-экспертного сообщества, политического и военного руководства, бизнес-элиты склоняются в пользу ратификации Конвенции 1982 года, вероятность этого шага зависит от политической конъюнктуры внутри США. В первую очередь, стоит вопрос о том, будет ли следующий после Б. Обамы Президент США пользоваться достаточной поддержкой Сената. Это связано с тем, что в соответствии с американским законодательством, каждый раз после изменения состава этого органа международные договоры, подлежащие ратификации, должны быть заново рассмотрены на заседании Комитета по международным делам [Borgerson 2009: 3–4; 12–13]. В предшествующие годы попытки администрации У. Клинтона присоединиться к Конвенции пали жертвой традиционной борьбы республиканцев с демократами, а Дж. Буша-младшего – исполнительной и законодательной ветвей власти [Журавлева 2011: 96-127]. Вероятность ее ратификации будет также зависеть от того, в какую сторону – неоизоляционизма или нового глобализма – качнется в будущем идеологический маятник внутри США. Отношение Вашингтона как к Конвенции в целом, так и к ее отдельным частям, будет напрямую коррелировать с американской внешнеполитической доктриной.

* * *

Политика США в отношении использования и эксплуатации пространств и ресурсов Мирового океана характеризуется противоречивостью.

Являясь крупнейшей морской и военно-морской державой, США, безусловно, заинтересованы в том, чтобы единые «правила игры» – в данном случае нормы и положения международного морского

[27] Ibid.

[28] Ст. 1 Конвенции 1958 г. относит к шельфу поверхность и недра морского дна в районах, примыкающих к берегу континента или острова, но находящихся вне зоны территориальных вод до глубины 200 метров или же за этим пределом до того места, до которого глубина позволяет разработку естественных богатств этих районов.

[29] В связи с тем, что российское представление 2015 г. представляет собой доработанную заявку, поданную еще в 2001 г., ее рассмотрение по существующей договоренности будет носить приоритетный характер.

права, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – соблюдались всеми членами международного сообщества. Политика принуждения ряда стран к их соблюдению, реализуемая в рамках программы «Свобода мореплавания», будет по-прежнему осуществляться Вашингтоном. Избирательность этого курса будет зависеть преимущественно от стратегической значимости для США того или иного морского пространства. В целом, гарантирование правопорядка в Мировом океане рассматривается Вашингтоном как залог обеспечения стабильности функционирования всей международной системы и прогнозируемости поведения всех государств и участников морехозяйственной деятельности.

Неучастие США в Конвенции 1982 года, расширительные трактовки отдельных её положений, попытки ограничения прав других государств в угоду защите собственных национальных интересов существенным образом дискредитируют усилия Вашингтона в этой области и небезосновательно ставят вопрос о применении политики двойных стандартов. Для целого ряда государств такая двойственность позиции Соединенных Штатов лишний раз свидетельствует о том, что обеспечение собственной безопасности в прилежащих акваториях остается более приоритетной задачей, чем следование конвенционным нормам. Как следствие, своими действиями США сами провоцируют расшатывание международно-правового режима, защитниками которого они себя декларируют.

Вопрос о том, будет ли пересмотрена политика Соединенных Штатов, в том числе в отношении участия в Конвенции, по-прежнему открыт. Существующие возможности ВМС США позволяют им как оставаться вне рамок конвенционных ограничений, так и проводить политику стимулирования других государств к исполнению конвенционных норм. Ставка США на глобальное лидерство в условиях весьма ограниченного уровня конкуренции со стороны других международных игроков в еще большей степени способствует укреплению тенденции не принимать на себя дополнительных международных обязательств.

Список литературы

Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. №6. С. 78–89.

Журавлева В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие Президента и Конгресса США. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 163 с.

Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.

Международное право: учебник для бакалавров // Под ред. А.Н. Вылегжанина. 2-ое изд. М.: Юрайт, 2012. 904 с.

Свининых Е. Перспективы присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву // Зарубежное военное обозрение. 2011. №1. С. 69–78.

Borgerson S. G. The National Interest and the Law of the Sea // Council on Foreign Relations Special Report. May 2009. No. 46. 70 p.

Byers M. Who owns the Arctic? Understanding the sovereignty disputes in the North. Douglas&McIntyre, 2009. 179 p.

Greene J. K. Freedom of Navigation: New Strategy for the Navy's FON Program. Newport, Rhode Island: Naval War College, 1992. 26 p.

Groves S. Accession to the U.N. Convention on the Law of the Sea Is Unnecessary to Secure U.S. Navigational Rights and Freedoms // The Heritage Foundation Backgrounder. 2011a. №2599. 24 August. 38 p.

Groves S. U.N. Convention on the Law of the Sea Erodes U.S. Sovereignty over U.S. Extended Continental Shelf // The Heritage Foundation Backgrounder. 2011b. №2561. June 8. 13 p.

Harrison J. Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law. N.Y.: Cambridge University Press, 2011. 340 p.

Klein N. Maritime Security and the Law of the Sea. N.–Y.: Oxford University Press, 2011. 376 p.

Kraska J., Pedrozo R. International Maritime Security. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. 939 p.

Kraska James, Wilson B. American Security and Law of the Sea // Ocean Development & International Law. 2009. Vol. 40. Pp. 268–290.
Lodge W. M. The Common Heritage of Mankind // The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas. Ed.by David Freestone. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. 212 p.
Lopez M.A.G. International Straits. Concept, Classification and Rules of Passage. Berlin, Heidelberg: Springer, 2010. 218 p.
Mandsager D. The U.S. Freedom of Navigation Program: Policy, Procedure, and Future // International Law Studies. 1998. Vol. 72. P. 113–127.
Roach J. A., Smith W. R. Excessive Maritime Claims. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. 925 p.
Rothwell D.R., Stephens T. The International Law of the Sea. Oxford–Portland: Hart Publishing, 2010. 545 p.
Tanaka Yoshifumi. The International Law of the Sea. N.–Y.: Cambridge University Press, 2012. 501 p.

THE US POLICY IN WORLD OCEAN

PAVEL GUDEV
Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Moscow, 117997, Russia

Abstract

The U.S. has traditionally claimed a key role in the protection of international legal norms, including the use and exploitation of the ocean's space and resources. This sphere is especially significant for it, as control over maritime routes is essential for American national security and prosperity. Therefore, the current article focuses on the current state of the U.S. policy regarding regulation in the World Ocean. The U.S. struggles against other states excessive maritime claims in the framework of the Freedom of Navigation Programme (FON). Its implementation is crucial not only to ensure US commercial and economic interests, but strategic and military also. First, it guarantees the possibility of American armed forces' rapid transfer by sea. However, in some respects international maritime legislation restricts the United States ability to protect its interests. The U.S. fights against threats which pose a challenge to all countries of the world community like nuclear proliferation, piracy, maritime terrorism, all the while itself directly violating the norms and provisions of the 1982 UN Convention on Law of the Sea (UNCLOS). Moreover, the US desire to ensure itself a priority level of naval and intelligence activities leads Washington to broad interpretation of conventional norms. It also attempts to interpret some of the norms as part of the common legal order, which is applicable beyond Conventional terms. As a result, the US ocean policy can be qualified as contradictory and inconsistent because of its non-participation in the 1982 UNCLOS and because of it continuously encourages other states to respect the Convention's norms. The article, however, identifies some developments, which could force the United States to revisit its position and maybe join the 1982 UNCLOS.

Keywords:

Common spaces; 1982 UN Convention on the Law of the Sea (UNCLOS); Freedom of Navigation; right of transit passage; international straits; Navy; Proliferation Security Initiative (PSI); maritime terrorism; conventional and customary law; Arctic; Asia-Pacific region.

References

Borgerson S. G. (2009). *The National Interest and the Law of the Sea*. Council on Foreign Relations Special Report. No. 46. 70 p.
Greene J. K. (1992). *Freedom of Navigation: New Strategy for the Navy's FON Program*. Newport, Rhode Island: Naval War College. 26 p.
Groves S. (2011a). *Accession to the U.N. Convention on the Law of the Sea Is Unnecessary to Secure U.S. Navigational Rights and Freedoms. The Heritage Foundation Backgrounder*. №2599. 24 August. 38 p.

Groves S. (2011b). *U.N. Convention on the Law of the Sea Erodes U.S. Sovereignty over U.S. Extended Continental Shelf. The Heritage Foundation Backgrounder*. 2011. №2561. June 8. 13 p.
Harrison J. (2011). *Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law*. N.Y.: Cambridge University Press. 340 p.
Klein N. (2011). *Maritime Security and the Law of the Sea*. N.–Y.: Oxford University Press. 376 p.
Kolodkin A.L., Guculyak V.N., Bobrova Yu.V. (2007). *Mirovoj ocean. Mezhdunarodno pravovoj rezhim. Osnovnye problem*. [World Ocean. The international legal regime. Main problems] Moscow: Statut. 637 p.
Kraska J., Pedrozo R. (2013). *International Maritime Security*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 939 p.
Kraska J., Wilson B. (2009). American Security and Law of the Sea. *Ocean Development & International Law*. Vol. 40. Pp. 268–290.
Lodge W. M. (2013). The Common Heritage of Mankind. In: Freestone D. (ed) *The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 212 p.
Lopez M.A.G. (2010). *International Straits. Concept, Classification and Rules of Passage*. Berlin, Heidelberg: Springer. 218 p.
Mandsager D. (1998). The U.S. Freedom of Navigation Program: Policy, Procedure, and Future. *International Law Studies*. Vol. 72. P. 113–127.
Roach J. A., Smith W. R. (2012). *Excessive Maritime Claims*. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 925 p.
Rothwell D.R., Stephens T. (2010). *The International Law of the Sea*. Oxford–Portland: Hart Publishing. 545 p.
Svininyh E. (2011). Perspektivy prisoedineniya SSHA k Konvencii OON po morskomu pravu [The prospects of US joining the UN Convention on the Law of the Sea] *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* №1: 69–78.
Tanaka Yoshifumi. (2012). *The International Law of the Sea*. N.Y.: Cambridge University Press. 501 p.
Vylegzhanin A.N. (ed.) (2012). *Mezhdunarodnoe pravo*. [International Law] Moscow: Yurajt. 904 p.
Vylegzhanin A.N. Kalamkaryan R.A. (2012). Mezhdunarodnyj obychaj kak osnovnoj istochnik mezhdunarodnogo prava [International custom, as the main source of international law]. *Gosudarstvo i pravo*. No. 6: 78–89.
Zhuravleva V.Yu. (2011). *Peretyagivanie kanata vlasti: vzaimodejstvie Prezidenta i Kongressa SSHA* [Tug of war power: the interaction of the President and the US Congress] Moscow: IMEMO RAN. 163 p.